

Всем невзгодам вопреки

Культура. — 1997. — 1 марта. — С. 10

"Автопортрет". 1940 г.

СУДЬБА

Евграф КОНЧИН

Как-то известный искусствовед Михаил Алпатов, выступая на вернисаже Павла Кузнецова, с горечью заметил: "Художнику надо долго жить, чтобы дождаться своей персональной выставки". Ирина Ивановна Витман ждала ее несколько десятилетий. Сейчас ей 80. Юбилей. И первая персональная выставка.

Н е собираюсь сравнивать творчество Ирины Витман с картинами и графическими листами других художников, которые в эти дни экспонировались в Центральном доме художника, отмечу лишь, что более всего посетителей — в ее зале. А сколько она услышала благодарных и теплых слов, сколько было расспросов и вопросов! Вероятно, потому что ее

живопись стала неожиданным и приятным открытием. Открытием нового таланта? Несомненно, хотя о художнице с пятидесятилетним стажем говорить так по меньшей мере странно. Открытием нового образного миропонимания, мироощущения? Это будет также справедливым.

И все же выставка работ Ирины Ивановны — нечто большее, чем просто выявление тех или иных профессиональных ее особенностей. Лишь когда познакомишься с этой милой, хрупкой, изящной и приветливой женщиной, такой открытой, отстраненной от сегодняшней суровой и подчас несправедливой действительности, понимаешь, что выставка — это судьба незаурядного художника и замечательного человека. Очень сильного, мужественного человека, создавшего такие жизнеутверждающие, праздничные, пронзительно-искренние произведения, несмотря ни на какие, даже драматические жизненные обстоятельства.

Десятилетней девочкой вместе с родителями — отцом-инженером, латышом по национальности, и матерью-франуженкой из древнего роялистского рода приехала в Париж и прожила здесь несколько лет. Музеи, выставки, живопись Пикассо, Дерена, Вламинка, знакомство со скульптором Цаплиным, в мастерской которого она училась лепить — и решение: "Я буду художником!" Возвращается в Ленинград и в 1936 году поступает в Академию художеств. Встречается там с Алексеем Соколовым, с которым вместе и идут по жизни до сих пор.

"Cayna". 1995 г.

Война. Мать Ирины арестовали как подозрительную иностранку — из лагеря она вернулась лишь после смерти Сталина. А муж добровольцем ушел на фронт. Ирина осталась одна в блокадном городе.

— Как выжила? Работала пожарником. Получала ежедневную миску супа...

В 1942 году вместе с оставшимися студентами и преподавателями Академии ху-

дожеств эвакуируется в Самарканд.

— Представьте, после холодного и голодного Ленинграда — такая тишина, радость жизни, красота и ласковость природы! Я набросилась на работу, писала с восторгом...

Именно здесь Ирина Ивановна почувствовала себя художником. Представленные на выставке небольшие самаркандские этюды волнуют и трогают каким-то первозданным "возвращением" в жизнь, чему так созвучны серебристые и золотистые голубовато-серые и оранжево-зеленые тона, которые в дальнейшем и определили своеобразие ее живописи.

Из эвакуации Ирина приехала в Москву. Хотела продолжить обучение в Суриковском институте. Пришла в мастерскую Дейнеки — тот мельком глянул на ее работы — отказал.

— В страшном отчаянии ухожу из института, встречаю Осмеркина. Еще до войны я ходила в его мастерскую, мне нравилась демократичность ее обстановки. Я кинулась к нему.

— Александр Александрович, возьмите меня к себе!

Он взял. Она проучилась у этого великодушного мастера и очаровательного человека три счастливых года.

Еще одним определяющим этапом в творчестве Ирины Витман стала в начале пятидесятых годов целина, где она провела три лета.

— Меня поразила не голая степь, а молодая, кипучая жизнь...

Серия целинных работ, казалось бы, повторяет сюжеты других художников, побывавших в то время в казахстанских степях. Но ее холсты все же отличаются романтической приподнятостью, теплотой и трепетной нежностью. Они — не репортажные наброски, не мимолетные впечатления, а художественные документы "высокой пробы", которые и сейчас вызывают преклонение перед народным подвигом.

На целине Ирина Ивановна ввела в свое творчество новый жанр — натюрморт. С хлебами, кувшинами, неприхотливой снедь, букетами полевых цветов. А уж потом пришла и остается до сих пор, быть может, совершенно неожиданная тема — обнаженная женская натура. Но не просто натура, а "банная". Именно в бане художница увидела:

— После скучных, застывших и стандартных натурщиц — такую жизнь! Настоящие, красивые, словно пеной рожденные Венеры!

Ее "банная" серия — одна из самых очаровательных на выставке.